

М. С.

ПАУКИ

ЖИЗНЬ ЗА КУЛИСАМИ КРАСНОГО КРЕМЛЯ

ОБАЧЕ ОЧИМА ТВОИМА СМОТРИШИ,
И ВОЗДАЯНИЕ ГРЕШНИКОВ УЗРИШИ.

(Псалом 90, ст. 8).

1 9 6 2

БУЭНОС АЙРЕС

Источником последующего повествования послужили показания бывшего сотрудника Берии, бежавшего из СССР вскоре после ликвидации Берии.

О том, что Берия перед расстрелом молился было сообщено в советских газетах.

Все даты различных происшествий взяты из советских газет.

Отдельные эпизоды, служащие иллюстрацией рассказа, были напечатаны в немецких журналах.

I. НАЗОЙЛИВЫЕ МЫСЛИ

Пройдя довольно длинный жизненный путь и вспоминая все пережитое, все происшедшее на наших глазах, невольно задаешься неотвязной мыслью: почему? Почему случилось, что жизнь вывернуло наизнанку? Почему происходит систематическое отдаление общественной мысли всех народов от вековых традиций, от вековых устоев христианской культуры, от христианской веры, почему морально здоровая общественность не противится работе сил, умеющих вносить в умы разложение, вносить сомнение в правильности принятого мировоззрения, умеющих подорвать веру во все святое, чем жили ушедшие в вечность поколения прежних веков. Почему все эти явления наивно и легкомысленно объясняются естественной эволюцией народов, прогрессом и т. д. и только очень небольшое количество людей видит, что человечество идет путем морального обнищания, психологического ослепления и утраты всех духовных сил и качеств и что именно это и является причиной всех бедствий на земле. Ведь уже столетиями ведется работа по перестройке человека на другой лад, столетиями систематически сплетается тончайшая паутина, охватывающая постепенно весь земной шар. Все искажается в свете проходящем через почти прозрачные нити этой паутины, все принимает другой облик, а с этим меняются взгляды, миропонимание, и истинный свет, к которому веками стремилось человечество, становится непонятным и даже недоступным. Люди умственно перерождаются и духовно слепнут, и идут по пути к ликвидации христианской эры, к началу создания новой — люциферовой эры.

Вошел люцифер в человек и дал им дар создавать гениальные творения, дар порождать гениальные по замыслу и внешней форме, но гибельные по своим последствиям идеи. Дал этот дар, дабы увлечь, обворожить народы, а увлекши их, душу вытравить и погубить.

Кровожаден и безжалостен люцифер. Люди паутину плетущие для других, сами из нее выйти не могут, ибо выхода нет.

2. В ПАУТИНЕ

Призраки безумного страха крадутся днем и ночью по улицам снегом покрытой Москвы. Прохожие идут с высоко поднятыми воротниками своих плохеньких пальто. Но не только от холода стараются они закрыть свои лица, есть тому и другие причины. Через непроницаемые стены Кремля просачиваются тревожные слухи, охватывающие всех холодящим тело и душу ужасом, ибо новое безумное кровопролитие, новая "чистка" нависла над Белокаменной. Это февраль 1953 года.

Серая, однотонная масса людей движется по улицам. Все похожи один на другого, у всех одинаковое выражение лица и только тут и там видны отдельные личности, лучше одетые, спокойно идущие, резко выделяющиеся по своей наружности от остальной массы. Это члены партии, функционеры или иностранные корреспонденты. Корреспонденты не боятся чисток: они рыщут по городу, они старательно собирают слухи; ловят отдельные фразы, слова, гонятся за призраками, стараются проникнуть в щели неплотно закрытых дверей, принимая все меры, чтобы ускользнуть от наблюдения им назначенных проводников. Они все записывают, запоминают, фотографируют, подчас рискуя жизнью. От них непрерывно текут вести, сообщения, заметки за Железный Занавес и это дает возможность в свободном мире получить четкую картину жизни в Советском Союзе, возможность реконструировать события и факты с достоверностью весьма близкой к полной истине.

I.

I. СВОЕОБРАЗНАЯ ХРОНИКА

Лазарь Моисеевич Каганович только что встал в очень хорошем настроении. Он внимательно оглядывает в зеркале свое чисто выбритое лицо и тонко подстриженные усики. Выражение самодовольства появляется на его обычно непроницаемом лице. Несмотря на годы, он выглядит молодо и это его радует. Проведя еще раз рукой по гладко зачесанным волосам и убедившись, что утренний туалет закончен, он идет в столовую его роскошной небольшой дачи в окрестностях Москвы.

Чай и всевозможные утренние деликатесы поданы, чистая белая скатерть, изысканный сервиз, искрящийся хрусталь, — все это радует его взор.

Каганович садится в удобное кресло и наливает себе чашку душистого чая. Отхлебнув глоток, он машинально берет в руки лежащую около прибора газету "Правда" и по привычке начинает ее просматривать. Дойдя до шестой страницы, он невольно вздрагивает и страшная бледность разливается по его лицу.

В рубрике, носящей невинное название "хроника", помещена нижеследующая заметка:

"Несколько времени тому назад органам Государственной Безопасности удалось раскрыть террористическую организацию среди врачей, умышленно применявших неправильные методы при лечении членов партии и правительства, дабы этим укоротить их жизнь".

В глазах члена Центрального Исполнительного Комитета Партии и Заместителя Председателя Совета Министров СССР засветилось беспокойство, а тонкие губы стали бессознательно повторять читаемое:

"Преступники сознались, что они при заболевании товарища Жданова поставили намеренно ошибочный диагноз и скрыли сердечный инфаркт, применив при этом недопустимый способ лечения столь тяжелого заболевания, чем привели к смерти тов. Жданова..."

”Пятеро из девяти арестованных кремлевских врачей признали свою связь с тайной еврейской террористической организацией; пятеро из арестованных сами еврейского происхождения“...

Эта последняя фраза больше всего взволновала Кагановича, так как сам он принадлежал к этой нации. Он черезчур хорошо знает на практике систему террора проводимого Сталиным и ему ясно, что заглавие статьи ”Банда составителей ядов“ в официальном партийном органе, есть не что иное, как подготовка анти-семитской чистки в Советском Союзе, которая и его — Заместителя Совета Министров СССР может смести вместе с друзьями и даже знакомыми.

Родство с Сталиным через временный брак последнего с его дочерью Розой не будет в этом деле иметь никакого значения. Наоборот, он твердо убежден, что именно его, одного из высших и видных представителей партии, коснется чистка и он будет одной из первых жертв арестов, которые потом разольются вдоль и вширь по всей стране. Антисемитское направление статьи служит тому неопровержимым доказательством.

Машинально Лазарь Моисеевич поднимает правую руку и ощупывает у себя затылок. Он чувствует, как ему кажется, дуло приставленного к затылку револьвера. Как неприятно умирать в 60 лет и в расцвете сил, мелькает мысль. К тому же он знает, что тов. Рюмин, заместитель Министра Госбезопасности как и начальник Следственного Отдела Министерства Внутренних Дел — человек очень решительный, не останавливающийся перед применением самых ужасных пыток к подсудственным, попавшим к нему на допрос, чтобы получить от них признание. Ведь любимому вождю, гениальному Сталину нужно, как можно скорее доложить о добровольном и чистосердечном признании арестованного... Жуткий холодок пробегает по спине тов. Кагановича, ему ясно, что он пытки не выдержит и сразу подпишет самые убийственные обвинения и показания против своих лучших друзей — Молотова, Булганина, против людей протезируемых им, Маленкова,

Хрущева и других. Страх, ужасный страх охватывает его. Страх этот толкает его к активности, к мысли о самозащите...

Роскошный черный лимузин несется по прямой, как стрела дороге по направлению к Москве. Справа и слева виден освещенный восходящим солнцем типичный русский зимний пейзаж, впереди обрисовываются купола московских храмов без крестов, но всего этого не замечает Каганович. Его узкие семитические глаза закрыты, он глубоко погрузился в мягкие подушки сиденья, его мозг усиленно работает.

Надо переговорить с Молотовым, думает он. Он тоже в опасности и, хотя он близкий и многолетний сотрудник Сталина, ему тоже грозить участь, которую он некогда подготовил своим друзьям в процессах троцкистов, правой и левой оппозиции, вредителей и других. Говорить по телефону опасно. Наверное, его аппарат уже включен в сеть МВД и все разговоры записываются автоматически на ленту...

II. ПАУКИ В ОПАСНОСТИ

Лицо Молотова остается неподвижным, когда дверь его приемного кабинета закрывается за вошедшим без доклада Кагановичем. Тяжело дыша, садится Заместитель Председателя Совета Министров СССР в мягкое кожаное кресло.

— Ты читал "Правду"? — спрашивает, вполголоса Каганович.

— Разумеется, — пропускает сквозь зубы Молотов, — я ее читаю каждый день.

— Твоя жена еврейка, — совсем тихо произносит Каганович, глазами впиваясь в собеседника.

— За ней установлено наблюдение, я это уже обнаружил, — отвечает Молотов, стараясь сохранить спокойствие.

— Но мы не можем допустить, чтобы он нас всех... — Каганович не доканчивает фразы. В первый раз в жизни он видит, как Молотов, всегда спокойный и безразличный ко всяким страданиям, крови и убийствам, проявляет признаки сильнейшего беспокойства.

— Да, ты прав, — отвечает он, — надо действовать.

III. ПРАВО, ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В сильном возбуждении ходит Сталин взад и вперед по своему огромному кабинету в одном из кремлевских дворцов. Семен Игнатьев, новоназначенный Министр Государственной Безопасности стоит неподвижно у письменного стола диктатора. Вся его фигура выражает преданность и готовность исполнить любое приказание вождя. Он ставленник всемогущего владыки СССР и его главной задачей является забота, чтобы жертвы, арестованные при очередной чистке, быстро созревали к процессу и появлялись там уже полностью подготовленными в смысле предначертанном высшей властью для дачи показаний. Советская власть всегда заботится подчеркнуть перед общественностью, особенно перед иностранной, что все решения судебных органов основаны на праве, законности, справедливости и на сознании обвиняемых.

Диктатор в ярости, так как на этот раз следствие затягивается, обвиняемые не дают нужных показаний. Сталин неожиданно прерывает свое хождение по комнате. Он останавливается перед Игнатьевым с выражением злости на лице, берет его за пуговицу мундира. Его голос дрожит.

— Товарищ Тимошук, — говорит он, — написала мне, что по всей вероятности, обращение с арестованными врачами неправильно и что систему надо переменить. Она, как врач, вероятно, понимает что-нибудь в ходе дела. А ты, — говорит Сталин, весь трясясь от бешенства, — ты должен подвести фундамент под обвинение. Ты понимаешь! Они должны начать говорить, все должны говорить — понимаешь!

Игнатьев молчит, он понимает и утвердительно наклоняет голову. Ясно, что он сделает все, дабы привести эту "банду убийц" к полному сознанию.

— И одно запомни, — продолжает Сталин, — если тебе не удастся принести мне полное признание аресто-

ванных в их виновности, я тебя укорочу на одну голову.

Игнатьев знает судьбу своих предшественников, Ежова, Ягоды и других возглавителей ЧК, ГПУ, НКВД и других подобных учреждений кровавого террора. Все они были ликвидированы безжалостным диктатором. Он идет к выходу в каком-то тумане, открывая дверь, он слышит за собой окрик, подобный рычанию:

— А если не сознаются, бей их, бей!..

Часовые и встречные офицеры отдают Игнатьеву честь, при выходе из здания провожают с выражением особого почтения, но всего этого он не видит, не замечает.

IV. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Женщина-врач Тимошук награждена орденом Ленина "за бдительность", за ее помощь в раскрытии заговора врачей-преступников.

Среди арестованных кремлевских врачей находится профессор Виноградов, он тоже получил в 1938 году орден Ленина, приняв добровольное участие, как специалист по судебной медицине, во время происходивших тогда в результате чистки судебных процессов. Теперь он в тюрьме и Тимошук его допрашивает...

Очень скоро после описываемых событий Тимошук принуждена будет отдать орден и сесть за решетку...

V. В ТИСКАХ

Генерал Поскребышев, шеф личной канцелярии Сталина, начальник его охраны, чрезвычайно удивлен и возмущен, когда его автомобиль остановлен офицерским патрулем перед самым въездом в Кремль. Начальник патруля, рослый офицер, открывает дверцу машины и держит направленный на генерала автомат.

— Что это значит! Что за безобразие, — кричит взбешенный генерал, — знаете ли вы, кого вы видите перед собой!

— Я отлично знаю, кто вы, — отвечает офицер, глядя в упор в глаза генералу холодным, полным ненависти взглядом, — и я имею приказ вас арестовать.

— Меня арестовать?! Да вы сошли с ума! Я прикажу вас сейчас же расстрелять! — Генерал пытается выйти из машины, надеясь дозваться помощи, но вблизи никого нет.

Офицерский патруль не теряет времени. Шофер машины отстранен на соседнее сиденье; на его место садится новый шофер. Генерал вброшен сильными руками обратно в автомобиль, два офицера сидят с обеих сторон арестованного. Автомобиль круто поворачивает и едет прочь от Кремля. Поскребышев поворачивает голову и смотрит на стены удаляющегося Кремля, за которыми через несколько часов разыграется жуткая драма, поразившая весь свет. Он понимает, что рядом с ним сидят надежнейшие офицеры генерала Жукова, которых Жуков безусловно лично выбрал для исполнения этого плана государственной измены.

VI. 28-е ФЕВРАЛЯ 1953 ГОДА

Президиум коммунистической партии собрался в полном составе на экстренное заседание в Кремле вечером 28-го февраля 1953 года. Присутствуют все члены: Каганович, Молотов, Хрущев, Ворошилов, Маленков и другие.

Все эти члены президиума имели предварительное тайное совещание с ген. Жуковым и Москаленко, командующим Московским военным округом.

Ответственные партийцы и члены правительства, которые по замыслу Сталина должны были фигурировать в процессе врачей-отравителей в качестве обвиняемых в заговоре, сделали то, что собирался им инкриминировать Сталин — в действительности создали настоящий заговор против диктатора. Было между ними достаточно расхождений и политического и личного характера, были между ними карьеристы, мечтавшие занять место дряхлеющего диктатора, но жуткий страх при мысли о подвале МВД, пытках и выстреле в затылок объединил их и заставил быстро сговориться в этой борьбе со Сталиным.

В зале царит гробовое давящее молчание. Все глаза устремлены на боковую дверь, откуда должен выйти

Сталин. Наконец, дверь сткрывается и Сталин входит.

Угрюмым взглядом окидывает он присутствующих, встречая всюду как бы замерзшие лица, без выражений, без движений. Он ясно чувствует ненависть к нему, но он также чувствует и их страх перед ним. На его губах играет полупрезрительная циничная улыбка. Он молча идет к своему креслу и садится.

С бледным лицом поднимается со своего места Лазарь Каганович, проводит нервно рукой по волосам и неуверенным голосом обращается к диктатору.

— Мы должны с тобой поговорить, товарищ Сталин, — начинает он.

Сталин смотрит безучастно куда-то в пространство, как будто разговор его не касается. Каганович говорит с перерывами, кажется, что он каждый раз, окончив фразу, должен себя пересилить, чтобы продолжать речь и видно, что ему это с трудом удается. Во время пауз в зале царит мертвая тишина.

Свою довольно пространную речь он заканчивает словами:

— Мы требуем от тебя, товарищ Сталин, немедленно прекратить следствие над врачами, а товарища Рюмина, заместителя Министра Госбезопасности арестовать.

Каганович замолчал. Все присутствующие затаили дыхание и все ждут, как будет реагировать хитрый, седой диктатор на это смелое требование.

Руки диктатора начинают дрожать, лицо делается багровым и он начинает вдруг кричать противным визгливым старческим голосом:

— Нет, нет и нет! Эта банда составителей ядов получит заслуженную кару, а ты, — глаза Сталина светятся при этом злобным огоньком, — ты последуешь за ними. Ты предатель, вредитель, тебя я сразу прикажу арестовать... — Диктатор весь трясется от злобы и ненависти и вставая с места, грозит Кагановичу кулаком.

Каганович стоит неподвижно, лицо его бледнее полотно. "Я был прав, думает он, был прав, что он начнет с меня. Несмотря на наше родство, он в своей нена-

вести готов меня уничтожить“. В мозгу Кагановича быстро проносится его жизнь, он вспоминает, как в 1911 году он вступил в компартию, вспоминает свою бурную, залитую кровью жизнь, в нем просыпается старый революционер. Он делает шаг в направлении Сталина.

— Ты обесчестил партию Ленина, — кричит он. — Ты просто маньяк, убийца. Это мой ответ на твои бессмысленные обвинения.— При этом Каганович вынимает из кармана партийный билет, рвет его на части и бросает Сталину в лицо.

Присутствующие замерли от неожиданности. Сталин тяжело дышет. Он медленно идет к телефону и берет за трубку. К его удивлению, в телефоне не слышно призывного сигнала. Но вот, рядом с ним раздается спокойный, монотонный голос Молотова, Молотова его многолетнего близкого сотрудника:

— Не пытайся звонить по телефону и вызывать конвой: провода перерезаны.— Сталин круто поворачивается.

— Что это значит, — кричит он.

Анастас Иванович Микоян, армянин с вкрадчивым певучим голосом, когда он этого хочет, многолетний народный комиссар Внешней Торговли и заместитель председателя Совета Народного Хозяйства, дает Сталину объяснение, выдерживая при этом деловой беспристрастный тон.

— Маршал Жуков осведомлен о сегодняшнем заседании. Генерал Поскребышев арестован. Если мы скоро не выйдем отсюда, войска Жукова займут Кремль.

Маршал Ворошилов дополняет слова Микояна:

— Кремль окружен верными нам войсками. Тебе ничего не остается другого, как выполнить наше требование.

Сталин теряет совершенно самообладание. Он швыряет телефон на пол и, подойдя быстрыми неверными шагами к окну, разбивает ударом руки оконное стекло. Обернувшись, он потрясает в воздухе кулаками и кричит:

— Мерзавцы, собаки, предатели, я вас всех должен был ликвидировать. Вы... — фразы он не доканчивает. Раздается сухой револьверный выстрел, рука его как-то беспомощно опускается и он падает, как срубленное дерево на пол.

Маленков, его личный телохранитель и единственное лицо из присутствующих, имевший право носить в Кремле оружие, спокойно кладет револьвер в карман.

Несколько мгновений никто не двигается. Затем Молотов медленно приближается к лежащему на ковре диктатору. Полуоткрытые глаза закатились, дыхания не слышно. Не произнося ни слова, Молотов отходит от трупа и направляется в соседнюю комнату. Все следуют за ним.

VII. ЗАСЕДАНИЕ

Все занимают свои места, но никто не прерывает молчания, все находятся под впечатлением пережитого. Диктатор умер, они этого хотели, но воля его все еще тяготит над ними. Усиленно дымятся папиросы, пепельницы все больше и больше наполняются окурками. Наконец, эту гнетущую тишину прерывает Ворошилов.

— Ну, а теперь что? — говорит он.

Сын Ворошилова женат на дочери Жукова и эта родственная связь во многом помогла подготовке всей акции. К тому же Жуков считает себя обиженным за то, что Сталин в 1946 году исключил его из Центрального Комитета и назначил командующим войсками в отдаленный округ. Всем присутствующим ясно, что Жуков потребует вознаграждения за оказанную им в эту ночь помощь. Но все знают, что кроме регулярных войск, в государстве имеется еще один могущественный фактор более опасный и сильный, чем армия. Это — МВД с его специальными войсками и огромнейшим аппаратом тайной полиции. И эта сила находится в руках Лаврентия Павловича Берии.

Долгое время Берия считался естественным наследником Сталина и все присутствующие на этом заседании — заседании при закрытых дверях, за которыми

стоят часовые с автоматами, — это знают. Но с 1951 года Сталин стал искусственно уменьшать влияние Берии. Его люди стали увольняться, удаляться со службы, перемещаться. Но все же его влияние и силы огромны. Новый министр Государственной Безопасности Игнатьев — ставленник Хрущева, но в руках Берии еще много нитей, которые он не выпускает. К тому же ему подчинены и весь персонал и все руководство атомными исследованиями . . .

Как потом выяснилось из записок Сталина, к ликвидации в первую очередь были намечены Каганович, Молотов, Ворошилов, а также Берия, как самые опасные, а затем следовал список второстепенных персонажей.

Слова Ворошилова прорвали лед молчания и все сразу заговорили. Начались ожесточенные дебаты. Все более и более темпераментные речи чередовались одна за другой, ораторы взаимно перебивали друг друга, раздавались выкрики. Но вот слово получил Молотов.

— Я полагаю, — сказал он своим монотонным голосом, — создать для управления государством коллектив, дабы избежать возможности новой диктатуры.

Каганович согласился, остальные выражают готовность об этом подумать. Хрущев опускает свой бычий подбородок на руки и тупо смотрит перед собою в пространство. Он, как последний любимец и ставленник Сталина, полагает, что только он может заменить умершего генералиссимуса . . . Но то же самое думает о себе и Маленков.

Ворошилов поддерживает предложение Молотова, он тоже за коллектив. К ним присоединяется и Миксян.

Серое мартовское утро начало медленно выползать через покрытые снегом крыши домов и освещать тусклым светом Москву, когда, наконец, присутствующие пришли к заключению избрать Маленкова председателем Совета Министров, придав ему большое количество заместителей, без которых он не может самостоятельно решать важнейших дел.

Каганович тушит недокуренную попиросу и тихо говорит:

— Теперь пойдем туда.

Все его понимают и направляются к дверям, где накануне происходило драматическое заседание. Первым входит Маленков, как новый председатель Совета Министров. Остальные за ним.

Сталин лежит в том же положении, в каком был оставлен вчера. Все его обступают.

В этот момент входит дежурный офицер и докладывает, что войска МВД во главе с Берией только что вошли в Кремль. На всех лицах явно отражается чувство тревоги.

Через несколько минут в залу входит, окруженный группой телохранителей сам Лаврентий Павлович Берия. При его появлении все присутствующие расступаются и вновь водворяется тишина. Глаза всех устремлены на вошедшего. Он быстрым взглядом обегает всех, на секунду глаза его останавливаются пристально устремленные на лежащее на ковре мертвое тело диктатора. В уголках его губ появляется чуть заметная тень самодовольной улыбки, затем лицо его вновь замирает. Простояв так несколько секунд, он с вопросительным взглядом обращается ко всем присутствующим. Молотов в коротких словах сообщает ему результаты состоявшегося совещания и предлагает всем вновь собраться в тот же день вечером для окончательной выработки плана действий.

Смерть Сталина пока решено скрыть от общественности. Четыре солдата переносят покойника в его комнату и кладут на кровать.

VIII. СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ

В арестном помещении одной из московских казарм сидит запертый начальник личной охраны и личный секретарь Сталина ген. Поскребышев. Он нервно прислушивается к шагам в коридоре приближающимся к его камере.

Генерал слишком долго служил у Сталина и ему хорошо известно, что значит попасть в немилость, но он не знает, что Сталина уже нет в живых и он надеется, что Сталин все же его вызовет, хотя бы на допрос.

Тогда он сумеет добиться реабилитации и свободы, так как здесь, догадывается он, имеет место какое-то возмущение в армии или, может быть, бунт, что он — увы! — проглядел.

Генерал, только имя которого приводило многих в содрогание, которого в Центральном Комитете Коммунистической Партии называли злым гением Сталина, сейчас сжал от страха зубы. Ключ повернулся в замке. Дверь открылась. Генерал побледнел. Лица, которые он увидел, не предвещали ничего доброго. Несколько офицеров стояли в дверях с направленными на него автоматами.

— Связать! — раздалась команда.

Два сержанта подскочили к генералу и в одно мгновение надели ему наручники.

— Нет, — отчаянно закричал генерал, человек, который за свою жизнь послал десятки тысяч на Лубянку, на смертную казнь, человек, который имел ббльшую власть, чем НКВД. — Нет, я не хочу умирать!

Этот крик, похожий на вопль обезумевшего человека, пронесся эхом по длинным коридорам казарм и заглох где-то вдали.

Удары прикладом заставляют генерала ускорить шаг. Во дворе, за казармой, в запущенном подвале у покрытой паутиной стены генерал умирает смертью, какой раньше умирали его жертвы. Он чувствует холодное дуло револьвера приложенное к его затылку и, мгновение спустя, его вздрагивающее тело в последних конвульсиях грузно опускается на грязный пол.

Ушел из жизни человек, которого Сталин еще в 1928 году назначил начальником особого сектора секретариата Центрального Комитета, или другими словами начальником "Бюро Террора". Бывший агент Охранного Отделения Императорского правительства вошел в 1917 году в коммунистическую партию, как специалист своего дела, он завел картотеку по системе Охранного Отделения, где находилось полное жизнеописание и характеристика абсолютно всех видных ответственных работников советской администрации, все молочи их жизни, все их ошибки и неудачи, слабые стороны ка-

ждого из них. Все это было тщательно внесено в карточку.

Поскребышев имел огромный штаб. По определенным, блестяще организованным каналам, к нему стекались сведения со всех концов Советского Союза, со всех фабрик, заводов, колхозов, совхозных учреждений и так далее. Сталин его очень ценил, так как в любой момент мог получить исчерпывающую справку о ком угодно. Все чистки последних лет были тщательно, чисто бюрократически разработаны и подготовлены Поскребышевым. Все его боялись и ненавидели, его имя наводило трепет и даже высшие ответственные работники партии и правительства стремились избегать встреч с ним, опасаясь неприятностей или опалы диктатора. Вполне понятно, что все главари кремлевского переворота 28 февраля решили в первую очередь устранить этого опасного человека, знающего все их тайны и слабости.

Одновременно с Поскребышевым были устранены из жизни и его ближайшие помощники: командир кремлевской личной охраны Сталина Спиридонов, комендант Москвы Смирнов и комендант Московского Военного Округа Артемьев.

IX. ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАУКОВ

Далеко за полночь затянулось заседание все тех же членов правительства СССР. Наконец, соглашение достигнуто. Председателем Совета Министров и правительства СССР назначен Маленков. Берия, Молотов и Булганин его первые заместители. Президиум Центрального Комитета Партии сокращается с 25 человек до 10. В него входят Маленков, Молотов, Берия, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин. Маршал Жуков назначается заместителем Министра Государственной обороны.

Хрущев недоволен, но он молчит. Он, всегда во время всех чисток умел молчать и оставаться в стороне, выжидая подходящего момента, чтобы продвинуться вперед к власти. В данный момент он остался руководителем внутренней организации партии, что дает ему

возможность постепенно проводить на ответственные посты своих верных людей. Будущее покажет, сумел ли он правильно вести свою линию.

Когда покончено с распределением должностей в президиуме, неожиданно раздается скрипучий голос Хрущева:

— А когда же мы разрешим ему умереть. Мы же все-таки должны его похоронить!

Этот цинично поставленный вопрос застаёт всех врасплох, так как мысли всех присутствующих вождей были направлены на изыскание способов для упрочения их положения, каждый думал только о себе, но никто и не вспомнил о мертвом диктаторе. Опять начался длительный обмен мнений, пока, наконец, не пришли к заключению: объявить о смерти Сталина 5-го марта, а пока что сообщить лишь о неожиданной его болезни и приказать по скрытым каналам служить в церквах молебны о здравии отца народов, издавая непрерывно бюллетени об ухудшении положения.

Х. БЕРИЯ ДОМА

Вернувшись домой с заседания, Берия прошел в свой кабинет и, не зажигая огня, распахнул окно, с жадностью вдыхая вовравшийся в комнату холодный морозный воздух. Неожиданно он почувствовал чью-то легкую руку, коснувшуюся его плеча и мелодичный голос спросил:

— Почему так тяжело вздыхаешь, Лаврентий Павлович?

Резко вздрогнув, Берия обернулся.

— Ах, это ты, Галя, — промолвил он оправившись. Он нежно обнял свою жену и в этот момент, глядя ей в глаза, глядя на это милое, редкой красоты, бледное, немного смуглое лицо, он забыл все дневные заботы, все страхи перед грозящей ему со всех сторон опасностью, он почувствовал себя счастливым в своей семье.

Берии 54 года и жена на 15 лет моложе его, и он ее безумно любит. Он с нею познакомился еще когда служил в "органах" в Азербейджане, где и женился. Ему не мешает, что она магометанка, что она до сих

пор ежедневно вечером и утром коленапреклоненно молится Аллаху, обращаясь лицом к востоку, в сторону священной Мекки. У них два сына. И кажется странным, что человек, у которого не дрогнула рука послать миллионы людей на смерть, миллионы на пожизненный рабский труд, в частной жизни является примерным семьянином, нежным отцом и любящим мужем.

Супруга — его верный друг. Он ей многое доверяет, даже, пожалуй, черезчур много, так как впоследствии именно эта милая жена с мягкими чертами тонко обрисованного, будто выточенного из слоновой кости лица, дает Маленкову важнейшие материалы для ликвидации Берии.

— У тебя неприятности со Сталиным? — спрашивает она.

Берия молчит несколько секунд, потом отрывисто отвечает:

— Сталин умер.

Галя невольно вздрагивает.

— Сталин умер, — повторяет она. — Значит, теперь ты...

— Нет, не я, — перебивает ее Берия. — Мы выбрали комитет для коллективного руководства, во главе с Маленковым. Только ты молчи — никому ни слова... понимаешь!...

XI. СОПЕРНИКИ

В ночь с 4-го на 5-е марта Л. П. Берия стоит в своем сверхроскошном рабочем кабинете перед планом города Москвы. В разных местах плана расставлены флажки на булавках, обозначающие важные стратегические пункты города, куда направлены в эту ночь части МВД.

Рядом с ним стоит рослый красивый офицер МВД.

— Получены ли сведения о настроении в армии? — спрашивает Берия.

— Нет еще, — раздается короткий ответ.

— Если бы я только знал, как Жуков думает реагировать на события, — говорит тихо Берия. — Если бы я только знал...

Берия не хочет выпустить из своих рук управление войсками МВД, которые являются главным фактором его силы. Он даже хочет ясно продемонстрировать перед остальными членами правительства всю свою мощь, он хочет по старой системе НКВД "вогнать им страх в кости"...

Но он не учитывает, что, возможно, что эта демонстрация, может, как бумеранг, нанести вред ему самому.

Берия не верит, что армия откроет огонь по войскам МВД, но ему этого бы хотелось — тогда он глава правительства.

**
*

Об этом думает и Жуков. Но Жуков знает, что открытие враждебных действий между армией и МВД может обернуться в гражданскую войну, а это равносильно концу советской власти и, конечно, гибели всех представителей власти, в том числе и его самого. Это ему подсказал Молотов, которому хорошо известно настоящее настроение народа...

— Надо найти другой метод борьбы и уничтожения противника... — думает он. — Конечно, такой метод будет найден.

**
*

— Мы должны быть бдительны. Очень бдительны, — говорит Берия своему сотруднику, — бдительны и решительны. Но первый выстрел должен раздаваться со стороны армии...

Увы — этот выстрел не раздался...

ХII. 5-е МАРТА

Советские вожди собрались в Кремле. В ожидании начала заседания изредка обмениваются фразами.

В Москве беспокойно, улицы запружены народом, перед Кремлем необозримая толпа.

Советские вожди не любят, когда народ собирается без соответствующих, предварительных распоряжений. Они знают по собственному опыту прежних лет, что толпа без твердого руководства способна под влиянием случайных слов или выкриков, превратиться в

разъяренного зверя, удержу которому нет и могут произойти события, коих предвидеть невозможно.

Вождями овладевает беспокойство. Молотов подходит к окну и наблюдает через занавеску.

— Народ кажется спокоен, — цедит он сквозь зубы.

Маленков молчит и барабанит пальцами по столу, что является у него признаком повышенной нервности.

— Толпа не опасна, — вдруг заявляет Микоян. — Люди запуганы и неспособны ни к чему.

— Мы не боимся никого, — неожиданно резким голосом произносит Маленков, фиксируя при этом Берия, чьи войска ночью заняли все стратегические пункты Москвы.

Событий не произошло, все дальнейшее, вне Кремля, протекло мирно.

Ушел в вечность величайший диктатор истории мира, величайший злодей, диктатор, воле которого никто в его стране не смел противиться, который мог себе все позволить. Но и ему кем-то были поставлены границы его могущества, его власти. И когда он, уверенный в своей силе и мощи дерзнул поцрать эти границы, то и ему пришел конец. И кажется, что все происходит по одному общему плану мирового масштаба.

II.

I. НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Ночь на 8-е марта. В кремлевских покоях умершего диктатора тихо и темно. Только дежурный офицер МВД стоит в полутьме перед входом. Он имеет приказ никого не впускать.

Около полуночи перед ним неожиданно вырастает тучная фигура нового председателя правительства, председателя Президиума Центрального Комитета Коммунистической Партии. Это Георгий Максимильянович Маленков. Он направляется к кабинету Сталина. Дежурный офицер хочет зажечь свет, но Маленков останавливает его:

— Не надо, — говорит он.

У него карманный электрический фонарь, этого достаточно. Офицер, привыкший ко всему, возвращается к своему посту. Его ничем нельзя удивить. К тому же, его непосредственный начальник, Берия, предупредил его о возможности посещения нового возглавителя государства.

Все же офицеру кажется необычным поведение нового председателя. Маленькие глаза последнего на фоне жирного лица с двойным подбородком беспокойно бегают, он все время озирается, губы нервно сжаты. Странно также видеть нового властителя Кремля, могущественнейшего сейчас человека во всем СССР, как бы тайно пробирающимся в помещение, которое он по праву должен завтра занять.

Маленков входит в кабинет и закрывает за собою дверь. Дежурный офицер на носках подходит к дверям и напряженно прислушивается, стараясь уловить каждый звук, каждое движение вошедшего — так ему приказано. Прикрыв плотно за собою дверь, Маленков зажигает яркий карманный фонарь. Он хорошо знает эту комнату, знает, где стоит большой шкаф, в котором в стальных коробках хранятся картотеки со сведениями обо всех видных ответственных работниках Советского Союза. В этих картотеках собраны сведения, касаю-

щиеся всех подробностей жизни каждого из них, каждая мелочь, каждый промах. Это результаты многолетней работы генерала Поскребышева, которому в этом помогал одно время сам он, Маленков. Неприятное чувство овладевает ночным посетителем, когда он, подойдя к шкафу замечает, что дверца полуоткрыта. Неужели уже кто-то успел побывать здесь до него?! Весь день пытался он урвать момент, чтобы, скрывшись от наблюдательных взоров его недоверчивых сотоварищей, незаметно проникнуть сюда. И, когда ему это, наконец, удалось, кажется, что кто-то опередил его. Он нервными руками открывает коробку, где должна находиться его картотека, быстро, но внимательно перебирает все исписанные листки, просматривает их еще и еще раз, увы предположение его, к его ужасу, оправдывается — картотеки нет. Невольный крик ярости вырывается из его горла. Холодная дрожь пробегает по спине, он даже шатается и грузно опускается на стул.

— Спер — мерзавец — азиатская сволочь —! Проклятый грузин . . ! — слышно через закрытую дверь.

Дела и документы, занесенные на имя Маленкова и Молотова исчезли — их нет.

У Маленкова хорошая память, даже очень хорошая, чем он часто неприятно удивляет многих главрей Советского Союза. Он очень хорошо помнит Ленинградский процесс и чистку тридцатых годов, когда он сам принимал, под руководством ген. Поскребышева, участие в составлении списков лиц, подлежащих ликвидации.

Он очень хорошо помнит все подробности смерти Жданова . . . Он, Маленков, устранил его из жизни, устранил своего самого опасного соперника на пути к достижению власти, которую, как ему теперь кажется, он прочно захватил в свои руки. Через полгода после смерти Жданова были систематически ликвидированы все сотрудники и ставленники Жданова, весь цвет советского актива, как потом будут писать об этом. Все это во всех подробностях тщательно занесено Поскребышевым в его, Маленкова, картотеку. А теперь в "Правде" в объявленном процессе врачей вновь вос-

кресло дело Жданова. Врачи еще сидят в тюрьме. Они "созрели" в руках Игнатьева к процессу, измученные пытками они показали все, что хотел Сталин. Но их скоро выпустят и найдутся люди, которые, чтобы свалить его, Маленкова, с его шаткого престола, поинтересуются картотекой. Картотека должна быть уничтожена во что бы то ни стало. Но как это сделать!..

Маленков смотрит на часы. Уже час ночи. В два часа он должен с Молотовым и другими членами ЦК стать на почетную стражу у гроба диктатора. Он встает и шатаясь идет к себе. Дежурный офицер провожает его глазами. Затем следует короткий телефонный разговор:

— Был и ушел, заметно расстроенный.

— Спасибо, — слышится ответ, а затем едва слышимый злорадный смех. Разговор закончен.

II. ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ

В час сорок пять минут ночи все вожди Советского Союза собрались в большой приемной зале Кремля, чтобы оттуда всем вместе пройти ко гробу Сталина и стать до утра в почетный караул у гроба.

— Ты выглядишь очень утомленным, Георгий Максимильянович, — обращается Берия к Маленкову, внимательно при этом его наблюдая. — Нам предстоит тяжелая ночь. Тебе следовало бы предварительно немного поспать.

— Для сна будет еще довольно времени, — отвечает раздраженно Маленков и замолкает.

— Товарищи, уже надо идти, — вмешивается Молотов.

Сомкнутой группой направляются красные вожди в зал, где в красном гробу, утопая в красных цветах, лежит мертвое тело Сталина. С выражением печали на лицах становятся они вокруг гроба. У Молотова даже текут по щекам слезы — так по крайней мере кажется людям, пришедшим к моменту торжественного перенесения гроба в мавзолей Ленина.

III. ПАУЛИНА В ЯРОСТИ

Молотов возвращается домой из министерства. Он держит в руке газету "Правда" от 10-го марта.

Войдя в квартиру, он показывает встретившей его жене фотографию на первой странице газеты, где изображены Сталин и Мао Дзе-дун, рядом с которыми стоит Маленков.

— Узнаешь эту фотографию? — спрашивает он у жены.

— Да ведь это же . . .

— Совершенно верно, — перебивает ее Молотов. — Фотография сделана после подписания советско-китайского пакта 15 февраля.

— Но где же ты, Берия и Ворошилов, — спрашивает Паулина.

— Маленков нас ликвидировал на фотографии, как, повидимому, хочет ликвидировать вообще, — отвечает иронически Молотов.

— Ты не смеешь оставить без последствий этот случай, — говорит повышенным голосом Паулина. — Ты должен что-то предпринять, Вячеслав Михайлович, — продолжает она, нервно и быстро шагая по красному ковру роскошной гостиной. — Эта жирная вошь, этот Маленков уже становится опасным, — говорит она и вся ее фигура дышет решимостью, ноздри ее характерного носа раздуты, кулаки сжаты. Она останавливается перед мужем и ждет ответа.

Молотов несколько озадачен такой острой и резкой реакцией жены и, желая скрыть свое смущение, длительно протирает пенснэ. Он знает, что Паулина давно уже ненавидит Маленкова, эту жирную вошь, как она его называет. И у нее есть причины для этой ненависти. Паулина, дочь еврея лавочника с Подола, предместья Киева, сделавшись женой высшего советского бюрократа, Молотова, стала, вразрез со взглядами установившимися в СССР, одеваться элегантно, богато и со вкусом, стараясь повлиять в этом направлении и на жен других советских магнатов. Она, вступив

в партию, чтобы сделать карьеру и подняться над окружавшей ее с детства средой, переименовала типичную фамилию Перльмутер на Жемчужникову. В начале 30-х годов ей удалось сделать комиссаром парфюмерного и косметического треста ТЕЖЕ, а в 1936 году она, одна из первых представительниц Кремля женского пола, побывала в САСШ, где была гостьей Рузвельта. Американские журналисты и репортеры взяли ее под перекрестный огонь своих прожекторов, когда она вышла после обеда у президента в роскошном платье, с бриллиантовым ожерельем баснословной ценности. Эти фотографии, конечно, не были опубликованы ни в "Правде", ни в "Известиях", ни в других советских органах печати, но сведения об этом случае и фотографии, помещенные в иностранных журналах, разумеется, дошли до Москвы и были приняты весьма недоброжелательно кремлевскими заправилами. Реакцию на ее поездку в САСШ и ее поведение там не пришлось долго ждать. Когда, вскоре после ее возвращения из САСШ, Паулина была назначена Министром Рыболовства, это назначение было ловко подстроено ее недоброжелателями. Вполне понятно, что она гораздо лучше разбиралась в косметике и парфюмерии, чем в ловле рыбы и это дало возможность Маленкову в одной обширной речи, произнесенной им в ЦК, заявить, что "пора прекратить поддержку бездельников, ничего не понимающих в специальности, в отрасли, которой руководят, занимающих высокие посты, благодаря связям с представителями власти".

Паулина была отрешена от своей должности и только благодаря мужу не сделалась жертвой очередной чистки. Как высокоинтеллигентная, властолюбивая и исключительно беспокойная по своему характеру женщина, она не могла по своим личным качествам играть роль обыкновенной жены пролетария. Потеряв административный пост, она и дальше умело и незаметно влияла через своего мужа на текущие дела, если таковые ее интересовали или затрагивали ее в той или иной степени. Так и сейчас, 10 марта 1953 года она упорно продолжала придерживаться своей тактики.

— Будь осторожен, Вячеслав. Он хочет сделаться наследником Сталина. Он ненавидит меня. Вспомни эту аферу. Он постарается всех нас уничтожить.

Молотов молча кивнул головой...

IV. ШАТКОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОГО КРЕСЛА

В кабинете председателя Совета Министров звонит телефон. Маленков неохотно поднимает трубку. Секретариат докладывает:

— Товарищ Маленков, с Вами хочет говорить Министр Внутренних Дел, товарищ Берия.

Лунообразное лицо Маленкова принимает неприязненное выражение.

— Мы должны с тобой поговорить, — раздается между тем в телефон голос Берии.

— Нельзя ли отложить на завтра, — отвечает Маленков. — Я сейчас очень занят.

— Это совершенно невозможно, — возражает Берия и тон его голоса звучит твердо и императивно. И Маленков не решается отказать всесильному министру Внутренних Дел.

Спустя немного времени, группами входят в кабинет Маленкова члены Президиума. Маленков барабанит пальцами по столу. Члены правительства рассаживаются. Берия, заняв место в удобном кресле, вынимает из черного портфеля газету "Правда" от 10-го марта и кладет ее на стол.

— Вот, по этому именно поводу мы и хотели с тобой поговорить, дорогой товарищ, — начинает не без некоторой иронии Берия. Молотов, Хрущев, Булганин и другие утвердительно кивают головой.

— Известна ли тебе эта фотография, — продолжает Берия, устремляя при этом через пенсне свои колочие глаза на Маленкова. — Ты, вероятно, помнишь слова товарища Ленина, произнесенные им на XI съезде партии о необходимости коллектива при управлении государством и о том, что секретарь партии должен только выполнять распоряжения ЦК, а не распоряжаться единолично?

Маленков побледнел. Он не ожидал так скоро такого массированного нападения. Он смотрит на остальных членов ЦК, но лица их неприязненно непроницаемы. Повидимому, они разделяют мнение Берии и уполномочили его говорить от их имени.

— Необходимо избегать культа отдельной личности, — осторожно вставляет реплику Молотов.

Но вдруг раздается грубый с украинским акцентом голос Хрущева:

— Я полагаю, что товарищ Маленков не имеет достаточного опыта в руководстве партией, как генеральный секретарь, — говорит Хрущев, смотря вызывающе на Маленкова, его маленькие глаза блестят. Это в первый раз, что Хрущев решается на такую открытую атаку против официального наследника Сталина, но он знает, что имеет за собой поддержку, так как в партийный аппарат уже проведено много его сторонников, настроенных против Маленкова. Знает, что усиленная газетная пропаганда последних дней в пользу Маленкова, должна была оказать свое отрицательное действие на кремлевских заправил.

— Что это значит? — спрашивает повышенным тоном вспыхнувший Маленков.

— Дорогой товарищ, — успокаивает его безразличным тоном Молотов, — ты так перегружен работой, что...

— Что мы решили разгрузить тебя и освободить от обязанностей генерального секретаря, — добавляет Берия.

Маленков — бывший студент. У него нет нужных качеств и мужества, чтобы решиться на открытую личную схватку, подобно Хрущеву. Он чувствует, что ножки удобного кресла, на котором он сидит, подпилены. Он сдает позиции. На пленарном заседании ЦК 14 марта он просит освободить его от должности генерального секретаря ЦК в виду отсутствия у него достаточного опыта и пленум единогласно удовлетворяет его просьбу и после соблюдения необходимых трафаретных формальностей, "выбирает" на пост генерального секретаря партии Хрущева.

Так кончается первая схватка в борьбе за власть после смерти Сталина, но тень всемогущего Берии все еще царит над Кремлем. Правда, Берия вывел свои войска из Москвы, вывел так же незаметно, как и ввел их 28 февраля 1953 года, но угроза наличия этих войск оставила сильное, неприятное и неизгладимое впечатление на всех членов ЦК. И они этого Берии не простят.

Никому и никогда не будет известно, почему Берия в мартовские дни 1953 года не захватил власти, на что имел полную возможность и по реальной силе введенных в Москву по его распоряжению войск МВД и по своему интеллигентному уровню, которым он неизмеримо превосходил остальных вождей СССР, за исключением разве инертного Молотова.

V. ИЗЛИШНЯЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ ВЕДЕТ ИНОГДА К ГИБЕЛИ

В официальном зале президиума ЦК ВКП (б) 23 июня 1953 года царит напряженная атмосфера, чувствуется приближение нависшей политической грозы, облака сгущаются и молнии партийных хитросплетений готовы поразить самого до сих пор могущественного человека в СССР, самого министра МВД Лаврентия Павловича Берия.

Берия спокойно сидит на своем месте, вся его поза выражает уверенность и полное спокойствие. Холерными руками он иногда поглаживает свой высокий лоб, как будто хочет что-то вспомнить; как будто что-то ускользнуло из его памяти. Большие глаза его смотрят смело и уверенно на собравшихся членов президиума ЦК. Чего ему в конце концов бояться! Он — глава всеобъемлющего аппарата тайной агентуры, ему подчинены силы МВД, одно название которого наводит страх и ужас на необозримые пространства от Эльбы до Тихого океана, от него зависят все лагеря заточения, лагеря принудительных работ, лагеря особого назначения — все эти миллионы вычеркнутых из жизни рабов. Он знает, что президиум подвергнет кри-

тике его последние мероприятия, о чем его предупредила его разведка. Его друзья даже предложили ему взять с собой на заседание охрану, его личную гвардию, но он отклонил это предложение, будучи слишком уверен в себе, в своей силе. Кроме того, у него есть друзья и в ЦК.

Сейчас его лицо выражает легкую иронию и презрение.

Но вот обвинение начинает Молотов.

— Ты нарушил заветы тов. Ленина,— говорит он своим монотонным голосом. — Ты связался с министерствами Франции и Англии, помимо министерства Иностранных Дел, что противоречит основным нашим правилам и кажется нам весьма странным.

— И без согласия ЦК провел ряд новых назначений в МВД, — вставляет свое слово Министр Обороны Булганин.

Берия хочет возразить, но Булганин движением руки его останавливает.

— Одну минутку, товарищ Берия, я еще не кончил, — продолжает он. — А разве ты не посылаешь министру государственной безопасности Грузии Деканозову шифрованное письмо, содержащего в себе все элементы государственной измены...

— Это бесстыжая подлая ложь, — кричит Берия...

— Мы твое письмо расшифровали, товарищ Берия, — вмешивается Хрущев.

— Разве ты будешь отрицать, что писал твоему другу Ломинадзе в Тифлис письмо, в котором меня и товарища Хрущева называл подлыми создателями грязных интриг, — почти кричит Булганин, нервно теребя при этом свою козлиную бородку.

— У тебя богатая фантазия, маршал, — резко и иронически отзывается Берия.

Вне себя Булганин вскакивает с места и, ударяя кулаком по столу, кричит:

— Быть может, ты будешь отрицать, что подготавливал план убийства товарища Маленкова!

— Ложь! — возражает едва сдерживающий себя Берия.

— Ты перестал быть коммунистом, — вмешивается Маленков. — Ты хотел захватить власть в свои руки и этим разрушить и уничтожить коммунистический режим и привести страну вновь к капитализму! Ты просто буржуазный ренегат. Твои тайные шифры мы получили от твоей жены...

Берия бледный смотрит в сторону своих всегдашних сторонников и приятелей, Микояна и Кагановича; но когда и Микоян присоединяется к обвинению ему все становится ясно. Президиум ЦК выработал против него обвинение по сталинской системе, он попал в ловушку. Правы были его друзья, советуя взять с собой охрану. Теперь поздно исправить этот промах. Его ликвидация подготовлена, все потеряно. Он окончательно теряет самообладание, южная кровь бросается ему в голову, он вскакивает и, выхватывая из кармана револьвер, стреляет в Маленкова, но неудачно — промахнулся. Крики оглашают зал. Булганин, Хрущев и Микоян бросаются на Берию и раньше, чем он успевает повторить выстрел, обезоруживают его. Маленков, бледный, как полотно, стоит шатаясь, не будучи в состоянии двинуться от испуга.

Молотов с растерянным видом спешит к дверям, из которых появляется гигантского роста фигура генерал-лейтенанта Круглова, заместителя Берии, который всегда втайне ненавидел Берию и которого поэтому удалось склонить на свою сторону членам ЦК, выступившим против Берии. Грудь Круглова украшают ленточки орденов английских, американских и французских, как бывшего начальника охраны совещаний в Тегеране, Ялте и Потсдаме. За ним быстро входит несколько молодых офицеров. Круглов приближается к растерявшемуся от быстрой смены событий Берии и одевает своему бывшему начальнику наручники.

Берия морально сломлен. Он не сопротивляется. Только, выходя под усиленным конвоем из зала, он неожиданно оборачивается и кричит срывающимся полным бессильной злобы голосом своим бывшим сотоварищам:

— Сволочи, собаки...

Могучие руки генерала Круглова заставляют его выйти из зала, не закончив ругани.

В 1939 году Троцкий писал: "Печально, если социалистическое государство имеет настолько слабую поддержку народа, что принуждено организовать для своего самосохранения тайную полицию и всемогущий универсальный и тотальный аппарат внутренней разведки. На кого же тогда можно положиться! На мерзавца Ягоду, которого пришлось расстрелять, на Ежова, которого постигла та же судьба, или на Берию?! Но недалек день, когда и ему прозвучит похоронный колокол".

Как видим, Троцкий оказался прав.

Вечером того же 25 июня в Большом Театре идет опера "Декабристы". Публика с удивлением замечает, что в бывшей царской ложе, ныне занимаемой Президиумом ЦК отсутствует всемогущий министр Внутренних Дел.

Вечером 27 июня происходит заседание пленума ЦК. Несколько членов ЦК энергично выступают в защиту Берии. При голосовании пленум не одобряет его ареста.

28 июня Маленков срочно проводит реконструкцию пленума, введя туда ряд новых членов, в результате чего на собрании пленума 29 июня голосование дает совершенно другие результаты: принятые против Берии меры признаются большинством правильными, действия президиума одобряются и пленум постановляет предать Берию суду.

VI. В РУКАХ СОБСТВЕННЫХ УЧЕНИКОВ

В ослепительно ярко освещенной одиночной камере знаменитой Лубянки, этой лучшей в мире по своей организации тюрьме, сидит на койке недавно еще виднейший представитель советской власти, Лаврентий Павлович Берия.

Представители тюремного надзора с невозмутимым спокойствием отняли у своего бывшего начальника пенснэ, подтяжки, шнурки от ботинок и срезали все пуговицы от брюк и от пиджака. Берия пытался подкупить

охрану за помощь в побеге щедрыми обещаниями, которые он, де, выполнит, выйдя из тюрьмы, но сразу же увидел, что здесь блестяще усвоенные методы его же собственной школы. Ни одним словом, ни одним жестом охрана не реагировала на его обращение к ней.

Берия сидит, опустивши голову на руки. Он думает о своей судьбе. Его мозг лихорадочно усиленно ищет выхода из положения, но все тщетно. Он знает, что из этой тюрьмы выхода нет, он также хорошо знает, что в этом здании имеются подвалы, куда он очень часто посылал свои жертвы, но сам он там никогда не бывал. Из посылаемых в эти подвалы никто еще живым не вернулся. Ужас охватывает Берию.

В коридоре слышны шаги. Берия прислушивается. Шаги приближаются, подходят к его камере и дверь в камеру открывается. Ослепленный направленным в глаза прожектором, Берия видит только силуэты трех офицеров МВД, но лиц различить не может. К тому же ему сильно мешает отсутствие пенснэ.

— Выходите, — раздается голос.

Придерживая падающие штаны, выходит бывший всемогущий министр из камеры. Его ведут по длинному коридору к лифту. Он проходит мимо длинного ряда железных дверей, где сидят еще им арестованные люди. При входе в лифт, его ставят лицом к стенке.

"Куда пойдет лифт, — думает Берия. — Вниз в подвалы или вверх"... Ему кажется, что он не выдержит нервного напряжения, голова кружится. Лифт вздрогнул и пошел вверх. Берия облегченно вздохнул.

Его вводят в кабинет следователя. Это один из его лучших бывших подчиненных, которого он еще недавно повысил в звании и которому увеличил оклад.

— Садитесь, гражданин Берия, — слышит он любезный голос.

"Гражданин, — думает Берия... — Значит я уже исключен из партии".

Кипа бумаг лежит на столе следователя. Следователь одевает очки, открывает объемистую папку, затем его любезное лицо мгновенно меняется, принимает сухое официальное выражение. Следователь сначала за-

дает ряд обычных вопросов об имени и фамилии, возрасте, месте рождения и т. д., а затем переходит к вопросам, из которых явствует, что Берии инкриминируют измену родине и трактуют его, как врага народа. Система допроса ему черезчур хорошо известна, она им же и введена.

— Вы хотели поставить МВД выше партийного и правительственного аппарата... Вы пытались различными махинациями приобрести симпатии народных меньшинств Грузии, Латвии и т. д... Вы разжигали национальную нетерпимость между народами ССР... Вы, не спрашивая согласия ЦК, ездили в Германию во время восстания и действовали там самовластно... и так далее.

Берия молчит. Он знает по опыту, что всякое отрицание приведет к пыткам, пыткам, которые длятся до приведения жертвы в состояние готовности подписать любое обвинение.

Допрос окончен. Обвиняемый сознался во всем и акт подписан.

VII. ЕЩЕ ОДНА ПОДТАСОВКА

Министр Обороны, маршал Булганин сидит у письменного стола в своем кабинете. Он погружен в интересное чтение. В его руках картотека маршала Конева, которую он внимательно изучает. Легкая ироническая улыбка играет на его губах.

Звонит телефон. Маршал поднимает трубку. Дежурный докладывает, что приехал маршал Конев.

— Проводите маршала ко мне, — бросает Булганин, затем поспешно прячет в стол картотеку и идет к двери навстречу Коневу.

Оба маршала приветливо здороваются. Булганин усаживает Конева в удобное кресло и садится сам на свое место у письменного стола, спиной к окнам.

Булганин участливо спрашивается о здоровье маршала. Конев жалуется на болезнь печени, которая порой заставляет его очень страдать.

— Это, вероятно, следствие попытки Берии отравить тебя, товарищ маршал, — говорит Булганин.

На лице Конева сначала отражается растерянность, но он быстро справляется с овладевшим им от неожиданности удивлением и подтверждает вероятность предположения Булганина.

— Вот именно по этому-то вопросу я и пригласил тебя, — говорит Булганин. — Мы хотим поручить тебе обязанности председателя суда над этим предателем и его друзьями. Наконец-то, нам удалось раскрыть эту шайку.

— Рад служить Советскому Союзу, — стереотипной фразой подчиненного, не совсем уверенно, отвечает Конев. — Признаться, я уже давно не доверял этому изменнику, но не доставало прямых улик, которые обнаружил ЦК.

VIII. ПРИЗНАЛ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ

Ровно через пять месяцев после описываемых событий в темном зале Верховного суда СССР открывается торжественное заседание.

Судьи — Конев, Москаленко, Лунев, Шверник, Михайлов, Зейдин и Громов занимают места на трибуне у покрытого красным сукном стола. Председатель — Конев, генеральный прокурор — Руденко, уже известный Европе по Нюрнбергскому процессу.

На скамье подсудимых сидит семь человек обвиняемых. Лица у всех бледны, но спокойны. Видимо, они примирились в душе со своей судьбой, но не хотят унижаться, тем более, что всякие доводы бесполезны и приговор известен заранее. Только когда председатель суда читает их имена, они невольно вздрагивают.

— Берия, Меркулов, Деканозов, Кабулов, Гоглидзе, Владимирский, Мечник...

Председатель, маршал Конев, читает обвинительный акт. По его лицу видно, что он удовлетворен, как представитель армии, что может отомстить ненавистному врагу — МВД. Обвинение инкриминирует подсудимым государственную измену, попытку организовать антисоветскую группировку с целью захвата власти для установления в стране буржуазного образа правления. Поступки и деяния обвиняемых подводятся под статьи 58/1, 58/8 и 58/11.

Слушая своих обвинителей, Берия невольно думал о том, что на его даче, близ Москвы, в библиотечном шкафу стоит советская энциклопедия, где вся его биография полна восхваления его деятельности, а теперь все события изложенные там истолковываются совершенно иначе, теперь из них явствует, что он предатель и изменник. Весь советский режим построен на лжи, мелькает у него мысль. Он невольно погружается в размышление... Чему он служил?! Что принесла ему жизнь?..

Но вот председатель вторично, повышенным голосом задает вопрос, признает ли он себя виновным. Следя мысленно за калейдоскопом своей жизни, он бессознательно погрузился в мир видений прошлого, и прослушал, просто не слышал вопроса председателя.

— Да, признаю, — тихо отвечает он, почти не раскрывая своих тонких губ.

Закончена двухчасовая обвинительная речь генерального прокурора, который требует применения ко всем обвиняемым высшей меры наказания, выносятся приговор. Все семь человек обвиняемых приговариваются к смертной казни через расстрел.

IX. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Глубоко в подземельях Лубянки, куда никогда не проникал солнечный свет у камеры Берии стоит часовая. Ему приказано неотступно наблюдать за узником. Он не отходит от устроенного в двери глазка.

Берия долго сидит на койке, опустив голову на руки. Нервное напряжение последних мучительных дней сменилось полной апатией. Мозг устал думать. Лишь одна мысль неотвязно давит все его существо, парализуя все остальные чувства — мысль непосредственной близости смерти, подошедшей вплотную. Он ощущает ее холодное мертвящее дыхание. Жизнь кончается. Жизнь полная в начале иллюзий и надежд, полная рвения и жестокостей, во имя честолюбия и успехов.

Узник вспоминает протекшие годы, смену событий. неожиданные зигзаги "генеральной линии партии", приспособляясь к которым, он все больше и больше втягивался в клубок хитросплетений закулисной жизни.

господствующей партийной верхушки, втягивался, как в паутину, выхода из которой больше нет, надо идти все вперед, уничтожая слабейших противников среди той же партии, которой он служит и унижаясь и заискивая перед более сильными врагами. Вспоминает гекатомбы ни в чем неповинных людей с вымученным в кабинетах следователей сознанием в несуществующих преступлениях и заговорах, которых он сотнями тысяч обрекал на смерть, которая теперь ждет его. Он не задумываясь шел по этому пути и знал, что окружен врагами и один промах, один неудачный шаг может послужить к его гибели. Он ошибся в расчете и теперь — теперь смерть, через несколько часов, а, может быть, минут. А дальше что? Что же ждет его дальше? Он пытается напряженно вдуматься, вспомнить что-то, что слышал в детстве, но не может. Силы оставляют его, голова как-то странно кружится, ему кажется, что он теряет сознание.

Он впадает в какое-то непонятное состояние. Перед глазами носятся странные образы, неясные очертания призрачно-прозрачных теней. Тени эти то сгущаются, то редуют. Но, вот, где-то вдали появляется светлый, едва заметный луч. Луч этот приближается, все больше и больше расширяется, заполняя все видимое пространство... камеры больше не видно. Он видит только яркий серебристый свет, как свет солнца, но не ослепляющий, не палящий свет, а радостно сияющий блеск, влекущий к себе теплом нежной ласки... Все существо его в трепетном страхе наполнилось радостным восторгом и он понял непостижимое величие и благодать источника света. Но, вот, его захватывает какой-то вихрь и он чувствует, что падает, падает со стремительной быстротой в пропасть безмерной ширины и глубины, где царит безграничная тьма. Ужасный жар охватывает его, жар, от которого кажется мозг закипит в костях. Раскаленный воздух проникает в поры, жжет все тело. Несмотря на темноту он видит, но не глазами, а каким-то другим чувством множество движущихся, корчащихся в страшных муках тел. Ему кажется, что он слышит знакомые голоса... Но вот вихрь сно-

ва его подхватывает и уносит, он опять куда-то стремительно летит, он старается ничего не видеть, не слышать... неожиданно приходит в себя. Он очнулся. Станный сон. А, может быть, видение?

Острая мысль, как молния, пронзает его мозг. Он падает на колени, губы его что-то шепчут, на лице выражение крайнего напряжения. Шепот становится все громче и громче.

Наблюдающий у глазка часовой ничего не понимает и подзывает другого часового, находящегося в коридоре. Оба поочередно наблюдают в глазок, делясь шепотом впечатлениями.

Берия поднимает руки, крестится, затем падает ниц и до слуха часового ясно донсится прерывающийся с надрывом голос Берии:

— Как разбойника... помяни мя...

Часовой спешит к телефону. Ему приказано докладывать обо всем необычайном.

— Заключенный молится, — докладывает он. После небольшой паузы: — Есть, наблюдать дальше.

Несколькими часами позже в кабинете генерального секретаря КП Хрущева звонит телефон.

— А, это ты, товарищ Москаленко! Ну, как окончилось?

— Все семеро расстреляны. Никто не просил о помиловании, но необходимо отметить, что Берия перед расстрелом молился.

— Молился? Ну, что же! Еще одно доказательство против него. — Хрущев больше не слушает докладывающего Москаленко. Он смотрит на висящий перед ним на стене портрет Сталина. "Скоро я буду на твоём месте!" — думает он и радостное выражение разливается по его лицу. Голос Москаленко все продолжает слышаться в телефон.

— От имени ЦК сердечное спасибо, товарищ Москаленко, — прерывает доклад Хрущев. — Спасибо за исчерпывающий доклад и за блестяще проведенное дело.

Этими словами Хрущев заканчивает разговор и вешает трубку.

III.

I. НА ПУТИ К ВЛАСТИ

После ликвидации Берии, последовавшей 23 декабря 1953 года, была проведена радикальная чистка органов МВД. Все протеже расстрелянного министра Внутренних Дел, все лица даже случайно удостоившиеся мимолетного внимания или милостивого рукопожатия, были устранены от должностей, арестованы и их дальнейшая судьба в большинстве случаев неизвестна.

Хрущеву было ясно, что этого недостаточно. Чтобы прийти к власти, свалить Маленкова и прочно занять его место, необходимо было сначала устранить и отстранить немало второстепенных лиц, выявивших свои симпатии к Маленкову, удалить всех его ставленников, заменив их своими людьми, ввести, наконец, своих друзей в ЦК.

В первую очередь Хрущев решает использовать свою дружбу с Булганиным, с которым он сотрудничает больше 20 лет, еще со времени начала постройки Московского метро и сооружения под, так называемым, Московским морем безопасного для любых бомб кремлевского бомбоубежища, с ген. Москаленко, с которым вместе он проводил чистку и разгром украинских организаций, с ген. Жуковым, ненавидящим Сталина и Маленкова.

Но у Маленкова есть искренний друг — это Василий Сталин, сын умершего диктатора, по характеру своему, по смелости и властности очень похожий на отца, по сравнению с которым у Василия не хватало хитрости и дальновидности. Василий Сталин занимает должность главкома военной авиации Московского Военного Округа и может, в случае необходимости, оказать Маленкову неожиданную военную поддержку, что расстроит все планы Хрущева. Но Василия ненавидит Жуков — и это необходимо использовать.

Прежде, чем перейти к дальнейшему изложению событий, необходимо ознакомить читателя с небольшим эпизодом, происшедшим в 1945 году, после капи-

туляции Германии и имевшим свои последствия в 1953 году. В начале войны Василий был военным летчиком и, благодаря отцу, сделал головокружительную карьеру, хотя в боях на фронте он не участвовал до самого конца войны, когда отец разрешил ему участвовать в бомбардировке городов, в том числе и Берлина. Летом 1945 года Василий Сталин, уже молодой генерал-лейтенант, должен был вернуться в Москву. Полностью восприняв дух советской оккупационной армии, где считалось, что все что приглянулось, как предметы роскоши, ювелирные изделия, часы, граммофоны, вообще ценности, даже женщины, все это может быть безнаказанно присвоено, Василий, квартировавший в то время в богатом немецком замке, решил взять с собой старинный и очень ценный резной салон в стиле барокко. Мебель была привезена на аэродром и погружена в отлетающий самолет. Провожавшие Василия друзья желали ему успешного возвращения на родину. Василий беспечно смеялся и радовался своему приобретению, он не подумал, однако, что вездесущие агенты МВД узнают о его затее и донесут в надлежащее место. Действительно, немедленно после отбытия самолета, Жуков получил подробное донесение о происшедшем. Возмущенный столь явным грабежом, да еще произведенным сыном самого диктатора, Жуков немедленно послал шифрованную телеграмму Сталину. Это известие привело диктатора в бешенство и он приказал Берии выслать на аэродром к моменту прибытия Василия, чинов МВД и обыскать прибывший самолет, после чего арестовать Василия и всю команду. Однако, в Москве у Василия нашлись друзья, которые по радио сообщили ему об опасности. У Василия выступил холодный пот — затеянное предприятие грозило закончиться катастрофой. Но молодой адъютант Василия дал своему начальнику остроумный совет, который и был выполнен. Когда во время пути внизу показались болота и озера и не было видно, на большом расстоянии, ни одного поселка, ни признака человеческой жизни, аппарат быстро снизился и в открытый люк, предназначенный для спуска парашютистов, полетели драго-

ценные стулья, столы и прочее, так тщательно погруженные на аэроплан в Германии. Слышно было, как старинная мебель разбивалась, падая на землю, или хлюпая погружалась в воду неизвестного озера. После этой операции, самолет, набрав снова высоту, продолжал свой путь по назначению. В Москве на аэродроме ожидал вооруженный отряд МВД. Не успел аппарат снизиться, как вся команда была арестована и уведена. К Василию, находившемуся в кабине пилота, вошел майор МВД.

— Вы что-нибудь ищете? — спросил его Василий.

— Мы поступаем, согласно приказа, — отвечал майор.

Тщательно обыскав весь самолет, майор виновато обратился к Василию:

— Простите, вероятно, произошло недоразумение.

— После чего майор удалился.

Арестованная команда самолета ни в чем не призналась и была вскоре выпущена. Получивший же извещение о результатах обыска Сталин, послал Жукову по радио выговор, обвиняя Жукова в ложном доносе. Жукову было ясно, что не будь он победителем Берлина, ему бы грозила ссылка или, может быть, и худшее. С тех пор Жуков воспытал жгучей ненавистью не только к Василию, но также и к самому диктатору, который своим последующим отношением к Жукову, еще усилил эту ненависть.

В результате накопившейся обиды, Жуков, в памятную февральскую ночь 1953 года, разрешил генералу Москаленко приготовить войска для занятия Кремля в случае неудачи в переговорах заговорщиков со Сталиным.

II. ВСЕ РЕШАЕТСЯ БЫСТРО И ПРОСТО

— Вы с ума сошли, товарищ капитан, — возмущенно кричит генерал-лейтенант Василий Сталин, главком авиации Московского Военного Округа, молодому адъютанту генерала Москаленко.

В состоянии крайнего возбуждения, Василий страшно напоминает отца. Те же манеры, тот же голос, тот

же повелительный тон. Но на адъютанта ген. Москаленко все это не производит никакого впечатления. Он имеет указание от начальства передать полученный приказ и не вдаваться ни в какие разговоры или рассуждения. Он молча наблюдает за нервно ходящим по комнате Василием и лицо его остается неподвижным.

— Поезжайте обратно к генералу Москаленко и скажите ему, что я не собираюсь сдавать моего поста и в Тулу я не поеду. Я — сын Иосифа Сталина и вы мной без моего согласия распорядиться не можете!

Адъютант отдал честь и молча покинул кабинет.

Василий стоял неподвижно и сосредоточенно думал, как ему отразить атаку на него. Ему было ясно, что Жуков и Москаленко хотят удалить его из Москвы и полностью обезвредить: "Обезвредить, но до каких пределов", — мелькнула мысль. И тревожное чувство неожиданно остро проникло в его сознание.

Василий оправил свой элегантный голубой мундир летчика и медленно подошел к телефону. На лбу его собрались складки, отражавшие его внутреннее напряжение.

— Соедините меня с тов. Молотовым, — отдал он приказ, подняв трубку. — Да, с министром Иностранных Дел тов. Молотовым, — повторил он нервно.

Василий сохранил, как он думал, самые лучшие отношения со своим бывшим тестем и теперь надеялся на его помощь. Ожидая выполнения приказа, он машинально рисовал карандашом на лежащем перед ним блокноте голову волка. Он не подозревал, что в это же время волки собрались в стенах Кремля и обсуждали вопрос о том, как его устранить. Наконец, послышался голос Молотова:

— Кто говорит?

— Это я, Василий, прости за беспокойство. Скажи, ты ничего не знаешь о моем смещении и о переводе в Тулу, для получения там дальнейших указаний? — Ожидая ответа, Василий морщит брови. Возбуждение и нервность, видимо, дошли до предела.

— Да, ты совершенно правильно понял о переводе в Тулу для получения дальнейших распоряжений.

— Каким образом, Москаленко пришел к такому решению? Что вообще кроется за этим перемещением?

— Понятия не имею, — слышит Василий в ответ. — Я не главнокомандующий армии, а Министр Иностранных Дел.

— Понятия не имеешь... — повторяет Василий. — Но ты ведь всегда так хорошо обо всем осведомлен...

— Повторяю, — не имею понятия, — слышится сухой и черствый голос Молотова.

— Одно тебе скажу, — отвечает повышенным тоном Василий, — в Сибирь вы меня не сошлете, руки короткие!

Он бросает трубку и погружается в размышления, но мысли его уходят по другому руслу. Он почему-то больше не думает о самообороне; ему вспоминается его детство и юность. Вспоминается, как отец не желая допустить материнского влияния на сына, отделил его от матери, как он четырнадцати лет бежал из Кремля, от железной дисциплины, введенной отцом по отношению к нему, как был пойман и водворен опять в кремлевскую квартиру диктатора. Тогда он ожидал в страхе припадка бешенства отца со всеми возможными последствиями. Но, странно, отец обнял его и только пожурил:

— Глупый ты, просто глупышка. Но мы с тобой больше об этом говорить не будем. — И с тех пор расхождений между отцом и сыном больше не было.

В то время, когда Василий сидел у своего широкого письменного стола, увлеченный собственными воспоминаниями, генерал Москаленко по телефону докладывал Жукову обо всем происшедшем.

— Что же! Ты не можешь справиться с этим молодчиком? — резко спросил Жуков.

— Конечно, могу, если разрешишь принять соответствующие меры, — отвечал генерал Москаленко.

— Так действуй немедленно и выполняй приказ, — слышался короткий ответ.

Вскоре после этого разговора, черный лимузин ЗИС подъехал к штабу авиации Московского Военно-

го Округа. Генерал Москаленко и три высших офицера его штаба выскочили из машины и почти бегом направились к кабинету Василия, отстраняя по дороге часовых и не стучась, они распахнули дверь.

— Товарищ Василий Сталин, вы арестованы за неисполнение приказа! — раздался голос Москаленко.

Василий поднял голову. Страшная бледность разлилась по его лицу, когда он увидел четыре направленных на него автомата.

Так закончился пролог новой драмы "Борьба за Кремль".

III. НИКИТА НАЧИНАЕТ ОТКРЫТОЕ СРАЖЕНИЕ

25 января 1955 года началось пленарное заседание центрального комитета компартии Советского Союза. На повестке дня: обсуждение бюджета на 1955-й год. Первым оратором, после трафаретного приветствия и выполнения необходимых формальностей, выступает Хрущев. В течение истекшего года, он успел пополнить ЦК своими сторонниками и теперь решается начать штурм позиций противника. Он медленно, тяжелыми шагами идет к месту докладчика, протирает свои никкелированные очки, разворачивает листы исписанной бумаги с подготовленной речью и тщательно их разглаживает. Всеми своими движениями он старается подчеркнуть спокойствие, важность вопроса и уверенность в успехе. В зале царит полная тишина. Маленков сидит на председательском месте. Внешне он совершенно спокоен, но он уже знает, что Хрущев готовится нанести удар именно ему. Внутреннее беспокойство овладевает им. Тяжелые, как молотом скованные фразы жестокой критики его работы, начинают чередоваться одна за другой с ораторской кафедры. Его обвиняют в чрезмерной поддержке потребительской индустрии в ущерб тяжелой и военной, его называют псевдотеоретиком, обвиняют в непонимании духа марксизма, в ведении ошибочной экономической политики. Хрущев все повышает и повышает тон, бьет кулаком по столу и заканчивает свою речь заключением о порочности

проводимой политики, дискредитирующей и нарушающей устав партии.

Вторым оратором выступает Микоян, министр торговли. Он всецело поддерживает Хрущева и подчеркивает невозможность голосовать за одобрение бюджета предложенного Маленковым, ибо, основываясь на этом бюджете, Советский Союз не будет в состоянии выполнить своих обязательств по отношению к Пекину.

— Что же, разве мы хотим повторить аферу с Белградом в Китае? — ставит он вопрос присутствующим и его армянское лицо при этих словах стягивается в грустные и печальные складки.

Делегаты аплодируют автору и эти аплодисменты больно бьют Маленкова по самолюбию и престижу.

Вопрос бюджета снимается с голосования. Хрущев все же не уверен в результате, ибо не исключена возможность, что делегаты при последующем голосовании все же предпочтут холодильники, костюмы, кастрюли и прочие предметы домашнего обихода, автоматам, пушкам и танкам. И вот Хрущев находит другой выход. В перерыве он долго в стороне разговаривает с Микояном. В конце беседы Микоян, улыбаясь, произносит довольно громко:

— Не беспокойся, я приведу это в порядок, предоставь мне действовать.

IV. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

Елена Маленкова, красавица, бывшая артистка Московского Большого Театра, женщина с утонченными манерами и большим вкусом. Она любезно встречает гостя — Анастаса Ивановича Микояна, о посещении коего ее предупредили по телефону.

— Милости просим, Анастас Иванович, войдите! — раздается мелодичный голос Елены.

Микоян входит в изяшный салон, обставленный в современном стиле — все выдержано в веселых светлых тонах. В глубине комнаты, на отдельном столике стоит самовар и нарядная горничная разливает чай, около чайного сервиза — серебряные корзинки с печеньями

и сладостями. Микоян садится на удобный мягкий стул и незаметно наблюдает за хозяйкой.

— Сколько ей может быть лет, — думает он. — Должно быть за сорок, хотя она выглядит моложе.

— Вы все еще руководите драматической школой в Ломоносовской Академии? — спрашивает он, дабы завязать разговор.

— Ну, конечно, или вы полагаете, что я слишком стара...

— Ах, что вы! Напротив, вы нисколько не изменились с тех пор, как я видел вас в последний раз на сцене Большого Театра, — отвечает Микоян, и сразу же решается перейти к вопросу, являющемуся целью его посещения. Он рассказывает о заседании 25 января, о критике, которой подвергся ее супруг, об опасности, что его могут просто сменить с должности председателя и что последствий в таком случае предвидеть невозможно. Он указывает на статью в "Правде", где отказ от фаворитизирования тяжелой индустрии называется уклоном вправо от генеральной линии партии и напоминает, что при Сталине все члены партии, шедшие этим путем, были Сталиным ликвидированы. А Хрущев в своей речи неоднократно обвинял Маленкова в правом уклоне.

Елена Маленкова отлично все понимает и хорошо помнит "ликвидации", о которых говорит Микоян. Она вздыхает и с тоской в голосе обращается к Микояну:

— Скажите, что же я могу сделать, в этом деле? Ведь я женщина!

— Вы имеете влияние на вашего мужа, вы единственный человек, который в состоянии его убедить, чтобы он сложил с себя полномочия, отказался от поста председателя, дабы снять с себя дальнейшую ответственность. Это — единственный выход из создавшегося положения, выход в вашем личном интересе и во имя благополучия партии. Должен добавить, что армия во главе с Жуковым тоже настроена против вашего мужа.

Елена Маленкова нервно закуривает папиросу. Она одна из немногих дам высшего советского общества, которая курит.

— А тогда вы его убьете, как Берия, — говорит она с дрожью и ненавистью в голосе, фиксируя горящими глазами Микояна.

Микоян чувствует, что его лучшим союзником в этом деле является страх женщины, боящейся потерять мужа, потерять положение. Он ее успокаивает, дает клятвенное обещание, что с Маленковым ничего не случится, что в случае его ухода с поста председателя, он останется членом президиума ЦК.

— Хорошо! Я ему скажу, — отвечает после некоторого раздумья Елена. В ее мыслях, между тем, рисуется картина показательного процесса, где в качестве главного обвиняемого фигурирует ее муж. Она невольно вздрагивает от ужаса, но старается внешне не показать своих переживаний. Микоян еще раз обещает, что кроме потери поста, положение Маленкова ни в чем не изменится, и уходит.

О ненависти Жукова к ее мужу Елена знала давно, причиной же этого был незначительный эпизод, имевший место в 1941 году. В Европе бушевала война. Немецкие войска разбили Францию и теперь решалась судьба Югославии. Сталин, уверенный, что война его не коснется, что ему гарантирован пакт о ненападении, подписанный с Гитлером, отдыхал в Сочи на своей даче "Надежда". В Сочи его сопровождали Жуков, в то время начальник Генерального Штаба Красной армии, Маленков и несколько высших партийных работников. В один из чудесных летних дней Сталин предложил гостям сыграть в волей-бол. С одной стороны играл Сталин, Жуков, Светлана, дочь Сталина, его племянница и племянник, а с другой — Маленков и несколько высших партийцев. Маленкову и его команде не везло и побеждать стала команда Сталина и Жукова. Маленков стал нервничать и играть грубо, ударяя мяч со всей силы кулаком. Один такой мяч летел в направлении племянника Сталина, но тот увернулся и мяч со всей силой ударил Жукова в нос.

— Двуногая свинья, — вскрикнул Жуков, у которого ручьем потекла из носа кровь. Эта кличка была

присвоена Маленкову из-за его полноты и он знал об этом.

— Повтори, что ты сказал, — раздался разъяренный голос Маленкова, подбежавшего к Жукову со сжатыми кулаками. Ясно было, что начинается ссора. Но Сталин растолкал их и прекратил игру. Этот глупый, почти мальчишеский случай Жуков не мог забыть и неоднократно говорил в своем кругу, что придет день, когда Маленков пожалеет о сделанном.

"И теперь день мести Жукова настал", — думала Елена.

У. О Т Р Е Ч Е Н И Е

8 февраля 1955 года на заседании Верховного Совета, в присутствии 1347 членов совета, иностранных дипломатов и представителей прессы, председатель Александр Петрович Волков "зачитал" перед удивленными делегатами прошение Маленкова об освобождении его от должности председателя правительства, мотивированное отсутствием достаточного опыта для руководства судьбою государства. В объяснительной части прошения, являющейся ни чем иным, как самообвинением, он признает ошибки сделанные им в области государственной экономики. Признает, что виновен даже в неудачах сельскохозяйственной политики, проводимой Хрущевым, виновен в недостаточном развитии тяжелой индустрии и т. д. и т. д. Словом, во всем проявил полную неспособность, в чем он приносит искреннее раскаяние и просит его освободить от должности.

Съезд принимает отставку Маленкова, признавая приведенные им доводы существенными. Затем члены съезда с нетерпением ожидают кого предложит президиум на пост председателя правительства, ибо к этому вопросу никто не подготовлен.

Выступает Хрущев (его расчет правилен). Он выставляет кандидатуру на пост председателя правительства Булганина. Булганин его единственный конкурент. Надо его провести, потом скомпрометировать, смешать с грязью и свалить. Тогда у Хрущева конкурентов больше не будет, и тогда наступит эра Хрущева.